

М. Н. МУРАВЬЕВ И К. Н. БАТЮШКОВ. К ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Наследие М. Муравьева и К. Батюшкова уже привлекло внимание исследователей с точки зрения субъективных форм выражения авторского сознания (В. Корман, С. Бройтман). Творческие и личные связи этих двух поэтов — явление культурной жизни России конца XVIII — начала XIX веков. Связи эти реализовались в структурно-семантическом строе лирики этих двух поэтов.

Личная лирическая форма высказывания, к которой относится высказывание в местоименной форме «я», «мы» (эта форма отличается от ролевого высказывания, принимающего тоже местоименную форму «я») важная примета стихотворной системы XVIII века. Структура и функция такого высказывания менялась на протяжении XVIII века и приобрела в XIX веке новые признаки. Творчество Муравьева и Батюшкова сыграло свою заметную роль в этом процессе.

В сравнении с предшественниками у Муравьева обнаруживается большая доля стихотворных произведений с личной формой высказывания. Так, из 139 стихотворений различных жанров (за исключением басни), созданных с 1770 по 1809 гг., 69 или 49,6% произведений с личной лирической формой высказывания. У Батюшкова таких стихотворений из 69 — 21 стихотворение, или 30,4%. Меняется объем стихотворных произведений, меняется содержание и структура личной формы высказывания.

Процесс формирования лирического героя, постоянное выделение его образа из сферы хорового, обобщенного «мы» воплощение в «я» изменяющегося понимания его места и значения, рождающееся самосознание личности — все это воплотилось в субъективной сфере стихотворения, в постепенной дифференциации форм «а» и «мы».

В поэтической системе и Муравьева и Батюшкова большое место занимает высказывание в форме «мы». Однако такая форма в чистом виде обнаружена у Муравьева лишь в двух стихотворениях: «Нравоучитель» и «Размышление». «Мы» в них — своего рода хор голосов, звучащих в унисон. Такая форма, как представляется, генетически восходит к обрядовому фольклору и к церковной поэзии, где сложившаяся форма высказывания может быть мотивирована («А мы просо сеяли...») или не мотивирована («Отче наш...» — из восточнейшей христианской молитвы). У Муравьева обнаруживается некая случайность выбора формы высказывания, что может свидетельствовать об индифферентном отношении автора к этой стороне художественной системы. Так в стихотворении «Размышление» («Сиянье внешнее отличий и честей...») избрана личная форма высказывания во мн. ч. — «мы», что не отвечает требованиям рационального закона, когда соотносятся мир личности и открывающиеся ей ценности. В самом деле, первые восемь стихов выражают общезначимую сентенцию: честь, благополучие и счастье не вне нас, «а в нас самих». И высказывание от лица «мы» в этой части оправдано. В следующих восьми стихах изображен пейзаж с ясным небом, прозрачными облаками, по

койной рекой. Мир предстает таким, как утверждает в стихотворении, когда «мы счастье храним в душе своей». Прямой связи между счастливым содержанием души и именно таким восприятием мира сама жизнь, конечно, не позволяет усматривать. Потому выбор формы высказывания от имени «мы» во второй части стихотворения условен.

Таким образом, Муравьев еще не воспринимает субъектную форму художественного произведения как важный структурный элемент.

В стихах, построенных как обращение к объекту или адресату, возможное ответное слово не предполагается. Потому само обращение — это лишь сюжетный ход, который участвует в формировании композиции стихотворения. Адресат, к которому обращено слово «я» или «мы», оказывается компонентом опосредованной характеристики субъекта речи. Муравьеву еще не открылась ценность другого, его равноправное с «я» бытие. Отсюда и возможность возникновения диалога. Диалогические отношения между субъектом и адресатом в мире художественного произведения предстанут в поэзии Пушкина. Изменения в субъектном строе произведения произойдут у ближайшего ученика Муравьева и предшественника Пушкина — К. Батюшкова.

В поэзии Батюшкова последовательно воплотилась вошедшая уже в мирозерцание дифференциация человеческого сообщества на несовпадающие во взглядах, мнениях, отношениях индивидуумы. Так изменения в сознании наших адекватное воплощение в стихотворении «Веселый час». Есть две редакции этой элегии с существенными отличиями. Первая создана в 1806 году с заглавием «Совет друзьям», вторая опубликована в 1810 г. под названием «Веселый час». Анализ двух редакций этого произведения позволяет увидеть, как поэт постепенно открывал для себя такие стороны в художественном произведении, которые позволяют воплощать открывающиеся Батюшкову сложности окружающего мира, неодинаковость человеческих судеб. А все это реализуется в выборе той или иной формы высказывания, в мотивированности перепада высказывания от «я» к «мы».

Формы высказывания в новой редакции элегии не просто своего рода «оболочка» лирики, сущностная ее форма, но и предмет изображения, один из сюжетных ходов этой элегии. Переходы от одной субъектной формы к другой продиктованы развитием лирического переживания. В стихотворении 1815 года «К другу» эти переходы обусловлены еще более тонкими и глубокими мотивировками. Несмотря на единство «я» и других, из которого складывается «мы», эти другие открывают лирическому «я» непрочность единства, дружества. Ни история, ни мудрецы («все мира мудрецы») не могут дать ответа на вопрос: «Что вечно, чисто, непорочно?» «Мы» — это и единое и раздельное. Именно таким открывается «мы» Батюшкову. Герой Батюшкова оказывается в мире, где «я» и другие близки, уравниваются, но уже начинают противостоять в своих поступках, в нравственной оценке этих поступков, «мы» распадается на индивидуальности с неодинаковыми точками зрения.

Человек в мире, человек рядом с другими пред—стоящий Богу — вот формула, которой можно определить характер лирического изображения человека до Пушкина. Лишь в творчестве Пушкина мир предстанет в человеке. Но часть этого пути до Пушкина пройдут М. М. Муравьев и К. Батюшков.